

На снимке тебя нет

Анна Сребская

Анна Сребская

На снимке тебя нет

<https://litres.ru/74690654>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ты меня не снял, — сказала она. — Ты снял платье. И море. А меня нет».

Они прожили вместе пять лет. Он работал. Она ждала. Он не замечал. Она не говорила.

А потом она уехала — в другой город, на работу, которую откладывала три года.

Он остался один с её вещами. С чашкой, которая протекает с лета. С банкой гвоздей её умершего отца. С рисунком, на котором он сидит у окна и смотрит в телефон. На обороте карандашом: «Жду, пока допьёт».

Шаг за шагом — через письма, которые он пишет и не отправляет, через корабли, которые учится делать у соседа, через разговоры с её мамой — он начинает видеть ту, которую потерял. И себя, которого не знал.

Это тихая история о том, что любовь — не в словах. Она в том, что человек помнит о тебе то, чего не помнишь ты сам.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	20
Глава третья	32
Глава четвёртая	38
Глава пятая	43
Глава шестая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	61

На снимке тебя нет

Глава первая

В день, когда Аня уходила, у нас сломался чайник. Она трижды нажала на кнопку, потом сняла его с подставки и поставила обратно.

— Не работает, — сказала она.

— Я вижу.

Мы оба смотрели на чайник. Про чайник можно было говорить долго.

За окном шёл мокрый снег. На кухне стояли две коробки: в одной — Анины книги, в другой — вещи, которые за пять лет так и не нашли постоянного места. Свечи. Зарядки от старых телефонов. Синий шарф, который я считал потерянным.

— Шарф твой, — сказала она, заметив мой взгляд.

— Оставь себе.

— Зачем?

Я пожал плечами.

Прежде она взяла бы его. Намотала на шею, закрыв подбородок, и спросила, похожа ли на человека, который знает, как заполнять налоговую декларацию. Я бы сказал, что скорее на человека, который скрывается от налоговой.

Теперь Аня положила шарф на стол.

Я поставил на плиту кастрюлю с водой.

— Ты так и будешь кипятить?

— А что?

— Ничего. Просто долго.

Она села у окна. На ней был серый свитер с вытянутым рукавом. У левого виска торчала короткая прядь: месяц назад она неудачно подстригла чёлку.

Я тогда сказал, что раньше было лучше.

Почему-то именно это вспомнилось, пока я доставал кружки.

— Тебе какую?

— Любую.

Я взял белую, с трещиной на ручке, и поставил перед ней.

— Эту не надо. Она протекает.

— Давно?

— С лета.

Я убрал кружку обратно.

Аня посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Пока грелась вода, я открыл телефон. Не знаю зачем. Наверное, хотел показать, что тоже могу чем-то заняться, пока она сидит в нашей кухне и ждёт, когда можно будет уйти.

На экране появилась подборка фотографий: «Этот день три года назад».

Море. Терраса. Аня в жёлтом платье.

— Смотри, — сказал я.

Она взяла телефон.

— Это где?

— В Сочи. Когда мы на последний поезд чуть не опозда-

ли.

— А, да.

На фотографии она стояла ко мне спиной — почти. Голова повернута через плечо, но лица не видно: ветер и волосы.

Я сделал тогда три снимка. На двух она стояла спиной. На третьем — обернулась слишком рано, и лицо получилось размытым.

Я оставил тот, где она спиной.

— Хорошая фотография, — сказал я.

— Хорошая.

Она вернула телефон.

— Можешь прислать?

Я сразу отправил.

Она смотрела на экран дольше, чем нужно.

— Ты меня не снял, — сказала она вдруг.

— Как не снял? Вот же.

— Тут я спиной.

— Ну и что.

— Ты снял платье. И море. А меня нет.

Она ничего не сказала.

— Я в тот день получила письмо, — сказала она.

— Какое?

— Меня взяли на реставрацию. В Петербург.

Я помнил Петербург. Мы из-за него ссорились. Я не хотел переезжать, а она говорила, что речь всего о восьми месяцах.

— Это было тогда?

— Утром. Пока ты спал, я прочитала. Потом мы пошли завтракать, и я всё думала, как тебе сказать.

Вода закипела. Я выключил газ, но кастрюлю не снял.

— Ты могла поехать.

Аня провела пальцем по краю стола, собирая невидимые крошки.

— Сейчас я не хочу это обсуждать.

— Я просто...

— Знаю.

Я разлил воду. В её чашку положил пакетик зелёного чая. Она осторожно вытащила его за нитку.

— Мне чёрный, пожалуйста.

Я нашёл чёрный в глубине шкафа.

Некоторое время мы пили молча. За стеной сосед двигал мебель: короткий скрежет, пауза, снова скрежет. Обычно Аня придумывала этому объяснение. Что он строит корабль. Что у него ручной медведь, которому неудобно спать.

Мне хотелось спросить её, что он делает сегодня.

Вместо этого я сказал:

— Давай я отвезу коробки.

— Маша приедет. Она всегда приезжает, когда надо что-то вынести.

— Понятно.

Она допила чай и встала. Я потянулся за её чашкой слишком быстро, и наши пальцы столкнулись.

— Подожди, — сказал я.

Аня замерла.

До этой секунды я был уверен: если она согласится задержаться, я найду нужные слова. Объясню, что последние месяцы плохо спал. Что устал на работе. Что ведь было и хорошее, много хорошего.

Она ждала.

— Как называется мастерская? — спросил я.

— Какая?

— В Петербурге. Куда тебя взяли.

Аня медленно убрала руку.

— «Слой».

Я повторил название про себя.

В прихожей завибрировал её телефон.

— Маша, — сказала она.

Я кивнул и пошёл одеваться, чтобы помочь донести коробки.

Синий шарф остался на столе.

Первая коробка оказалась легче, чем я ожидал. В ней лежали зимние вещи. Я узнал серый свитер, который Аня надевала дома поверх футболки, и зачем-то поправил торчащий из-под крышки рукав.

— Её можно закрыть, — сказала она. — Там скотч на тумбочке.

Я провёл полосой по картону. Она придерживала створки, чтобы не разошлись.

Мы всё ещё умели это вдвоём.

У подъезда стояла Машина машина. Маша открыла багажник и, увидев меня, перестала улыбаться.

— Привет.

— Привет. Куда ставить?

— Пока сюда. Только следующую на эту не клади, там чашки.

Я посмотрел на Аню.

— Ты же сказала, зимние вещи.

— Чашки завёрнуты в зимние вещи.

Маша забрала у неё сумку.

Они всё продумали. Как упаковать посуду, во сколько выехать, где остановиться. Я вдруг понял, что Анина жизнь уже несколько недель происходит где-то рядом с моей, а я всё ещё рассчитываю узнать о ней первым.

За второй коробкой мы поднялись вдвоём.

В лифте Аня смотрела на меня в зеркале. По крайней мере, мне так показалось. Я повернулся, но она уже проверяла телефон.

— Ты на поезде? — спросил я.

— Да.

— Во сколько?

Она назвала время.

Я едва не сказал, что они не успеют. До вокзала было сорок минут, до поезда — почти два часа. Но я всегда так говорил. Про пробки, про очереди, про то, что надо было выйти раньше. Даже когда никто не просил меня ничего рассчи-

тывать.

В квартире стало заметно тише, хотя из неё вынесли всего одну коробку.

Аня прошла в комнату, а я остановился на кухне. На столе лежал шарф.

Я поднял его и засунул в карман куртки.

— Это последняя? — спросил я.

— Да. Остальное потом заберёт Маша. Если можно.

— Конечно.

Вторая коробка была тяжёлой. Книги, судя по весу. Я подхватил её снизу, и Аня придержала дверь.

На площадке пришлось поставить коробку, чтобы вызвать лифт. На крышке чёрным маркером было написано: «Книги. Не потерять».

Я не обратил на это внимания, когда мы выносили коробку в первый раз. Теперь обратил.

Я помнил этот маркер. Купил его, чтобы подписать пакеты с мясом в морозилке. Аня тогда рассмеялась:

«Наконец-то в этом доме появился человек с планом».

Я стоял над коробкой и пытался вспомнить, когда это было. Летом? Прошлой зимой? Почему-то казалось важным определить точно.

— Спина? — спросила Аня.

— Нет. Всё нормально.

Внизу Маша освободила место в багажнике. Коробка вошла не сразу. Пришлось сдвинуть сумку и повернуть её бо-

ком.

Пока мы возились, Аня стояла у задней двери, держа в руках ключи.

Мои ключи. От нашей квартиры.

Я увидел их и отвернулся к багажнику.

— Ну вот, — сказала Маша.

Она закрыла крышку осторожно, со второго раза.

Аня подошла ко мне.

— Я положу на тумбочку? — спросила она, показав ключи.

— Оставь пока.

— Зачем?

Я не ответил.

Она сняла маленький ключ от почтового ящика, потом большой, с зелёной пластиковой меткой. Метку мы купили, потому что я постоянно путал наши связки.

Я протянул ладонь.

— Спасибо, — сказала она.

Не за ключи. Или за ключи. Я не понял.

Маша села в машину.

— Ань.

Она обернулась.

Я достал шарф.

— Забыла.

Аня посмотрела на него, потом на меня.

— Точно.

Она обмотала шарф вокруг шеи, убрала под него волосы. Я знал это движение так хорошо, что на секунду всё стало обычным: сейчас она уедет по делам, вечером вернётся, позвонит снизу, потому что опять не может найти ключи.

— Напиши, как доедешь, — сказал я.

Аня взялась за ручку двери.

— Хорошо.

Я хотел обнять её. Но пока решал, можно ли, она уже села.

Машина выехала со двора не сразу: дорогу перегородил курьер на велосипеде. Маша опустила стекло, что-то сказала ему. Аня пристегнулась. Поправила зеркало в козырьке, посмотрела на своё лицо.

Я всё стоял.

Потом она заметила меня и коротко помахала.

Дома я снял куртку и повесил её на Анин крючок. Перевесил.

На кухне стояли две чашки.

В её чашке осталось немного чая. Я вылил его, сполоснул чашку и поставил на сушилку. Потом достал телефон.

Наш последний разговор начинался с моего сообщения: «Купи хлеб».

Выше было её: «Ты сегодня поздно?»

Моё: «Не знаю».

Ещё выше — фотография кривой глиняной миски. Аня держала её на ладони. На большом пальце засохла белая глина.

«Первая, которую не стыдно показать», — написала она.

Под фотографией стоял мой ответ:

«Прикольно».

Я сел за стол.

Открыл снимок, увеличил. Рассмотрел неровный край, синюю полосу внутри, её палец.

Потом вернулся в переписку и набрал:

«Я почти ничего не спросил про твою работу».

Прочитал. Стер последнее слово.

Написал «мастерскую».

Снова стёр.

Телефон погас у меня в руке. Я включил экран и долго смотрел на недописанное сообщение.

Отправлять его сейчас означало просить её ещё о чём-то — в день, когда она и так вынесла отсюда всё сама.

Я положил телефон на стол.

Через час он завибрировал.

«Мы на вокзале. Успели».

Я написал: «Хорошей дороги».

И на этот раз не добавил ничего.

Ночью я проснулся от холода.

Окно в спальне было приоткрыто. Аня всегда закрывала его перед сном, а я всегда говорил, что невозможно дышать. Теперь некому было мешать мне спать в свежем воздухе.

Я встал, повернул ручку и заметил на подоконнике кольцо от горшка. Самого растения не было.

Не знал, что она забрала и его.

В ванной остался один её волос на кафеле. Я снял его мокрым пальцем и почему-то не сразу выбросил.

На следующий день я пошёл за чайником.

В магазине было жарко. Продавец в чёрной рубашке спросил, какой объём меня интересует.

— Обычный.

— Полтора литра? Два?

— Полтора.

Он показал металлический, потом стеклянный, с синей подсветкой. У стеклянного крышка открывалась кнопкой. Продавец несколько раз нажал на неё, будто именно это могло меня убедить.

— Такой у нас был, — сказал я.

— Хотите такой же?

Я посмотрел на ровный ряд коробок.

— Нет. Этот шумный.

Раньше я не замечал, что он шумный. Но каждое утро Аня закрывала кухонную дверь, прежде чем его включить.

Я взял белый, самый простой. На кассе предложили дополнительную гарантию. Я отказался, потом переспросил, сколько он вообще должен работать.

Кассир посмотрела на коробку.

— По-разному.

Дома я вымыл новый чайник и дважды вскипятил воду, как было написано в инструкции. Старый отнёс в прихожую.

Там он простоял до вечера, рядом с ботинками, словно тоже ждал, когда его заберут.

Белую кружку с трещиной я достал из шкафа.

Трещина шла от ручки вниз, почти до самого дна. Изнутри её не было видно. Я налил в кружку воды и поставил на бумажное полотенце.

Через минуту под ней расплылось серое пятно.

С лета, значит.

Я попытался вспомнить, как она об этом говорила. Наверняка говорила. Может быть, когда я собирался на работу, искал ключи или смотрел что-нибудь в телефоне. У меня даже нашёлся ответ, который я вполне мог дать:

«Ну так выброси».

Но самого разговора я не помнил.

Кружку мы купили в маленьком магазине возле вокзала, когда только начали встречаться. За год до Сочи. Аня тогда долго выбирала между белой и зелёной. Я торопил её: поезд через сорок минут, нам ещё кофе взять.

Она выбрала белую.

Зелёная, кажется, была с птицей.

Я перевернул кружку. На дне сохранилась наклейка с ценой. Края потемнели, середина истёрлась.

Потом вылил воду и поставил её обратно в шкаф.

В понедельник на работе меня спросили, как прошли выходные.

— Нормально.

— Куда-нибудь ездили?

— Нет.

Коллега кивнул и начал рассказывать, как возил сына к стоматологу. Я слушал, пока он не дошёл до парковки. Потом перестал. В голове крутилась мысль, что нужно купить хлеб, и ещё — что теперь я могу купить любой, не вспоминая, какой ест Аня.

— В общем, он даже не заплакал, — сказал коллега.

— Кто?

Он посмотрел на меня.

— Сын.

— А. Здорово.

Коллега развернулся к своему монитору.

Я открыл рабочую почту, прочитал одно письмо три раза и всё равно не понял, чего от меня хотят.

Через несколько минут спросил:

— А сколько ему сейчас?

— Шесть.

— Первый раз ходили?

Он снова повернулся ко мне. Рассказал уже короче, без парковки. Оказалось, сын испугался не врача, а того, что папе придётся ждать за дверью.

Я хотел сказать, что дети странные. Не сказал.

Аня написала во вторник.

«У тебя осталась папка с моими эскизами? Серая, на резинках. Посмотри, пожалуйста, в нижнем ящике».

Я знал этот ящик. В нём лежали бумаги, которые мешали закрывать шкаф.

Папка нашлась под инструкцией к посудомоечной машине.

«Есть», — написал я.

«Сможешь отправить? Там адрес на листке сверху».

Я положил папку на стол. Резинки растянулись и не держали угол. Из-под обложки торчал маленький листок.

На нём был наш кухонный стол.

Я узнал скол возле края, чашку, хлебницу. У окна сидел человек, склонив голову над телефоном.

Я поднёс рисунок ближе.

Лицо было обозначено несколькими линиями. Одна нога поджата под стул, плечо чуть выше другого. На спинке висела моя толстовка.

Я не помнил, чтобы она меня рисовала.

На обороте стояла дата — прошлый ноябрь.

Я набрал: «Это я?»

Потом посмотрел на её сообщение с адресом и убрал телефон.

В папке лежали её рабочие рисунки. Она попросила их отправить.

Я нашёл большой конверт, но он оказался мал. Пришлось идти в канцтовары.

На улице уже темнело. У перехода мужчина придерживал за локоть женщину, которая вытряхивала камешек из ботин-

ка. Она стояла на одной ноге и смеялась. Мужчина держал её сумку и терпеливо смотрел в сторону светофора.

Зелёный загорелся и погас. Они остались ждать следующего.

На почте спросили, нужно ли оценить отправление.

— Там рисунки, — сказал я.

— Объявленную ценность будете указывать?

Я не знал, сколько стоят Анины эскизы. Не знал даже, платили ли ей когда-нибудь за них отдельно.

— Нет. Просто упакуйте, пожалуйста, чтобы не помялись.

Сотрудница подвинула мне картон.

— Тогда проложите с двух сторон.

Я сделал, как она сказала.

Уже дома отправил Ане фотографию квитанции.

Она ответила вечером:

«Спасибо».

Я открыл снимок кухни, который успел сделать перед упаковкой. Увеличил угол листа. Там, возле ножки стола, было что-то написано карандашом.

Сначала я разобрал только последнее слово.

Потом остальные.

«Жду, пока допьёт».

Я сидел у окна долго. Новый чайник щёлкнул и выключился.

На этот раз я встал сразу.

Глава вторая

Посылка шла одиннадцать дней.

Я следил за ней чаще, чем было нужно. Утром, пока чистил зубы. В лифте. Перед сном. Два дня она лежала в сортировочном центре, потом вернулась туда, откуда уже выехала.

На восьмой день я чуть не написал Ане, что почта работает ужасно.

Вместо этого закрыл приложение.

Она сама написала в пятницу.

«Забрала. Всё целое».

Следом пришла фотография: раскрытая папка на широком подоконнике, стакан с карандашами, угол настольной лампы. За стеклом — стена соседнего дома, близкая настолько, что можно было разглядеть трещину под чужим окном.

Я набрал: «Это у тебя дома?»

Стер.

«Хорошо».

Несколько минут над сообщением ничего не происходило. Потом появилось:

«Там не было маленького листа с кухней?»

Я посмотрел на стол.

Лист лежал под ноутбуком. Я положил его туда, когда собирал папку, чтобы не загнуть угол, и забыл.

Сначала мне захотелось написать, что я оставил его себе.

Будто это было решение, на которое я имел право.

«Был. Я не положил. Извини».

«Ничего. Потом пришлѐшь».

Я снял ноутбук с листа.

Кухня была нарисована немного сверху, словно Аня сидела на подоконнике. Край стола, хлебница, моя рука возле чашки. Самого меня почти не было — только плечо и затылок.

«Жду, пока допьѐт».

Я наконец спросил:

«А куда мы тогда собирались?»

Она ответила не сразу.

«На вокзал».

Я открыл фотографию рисунка, увеличил дату внизу. Две последние цифры расплывались.

«Это когда к маме?»

«Да».

Я помнил ту поездку. В вагоне было жарко, и у Ани заболела голова. Я всю дорогу разбирал рабочую переписку, а она сидела у окна, прижав к виску бутылку воды.

Её мама встретила нас на станции в короткой куртке поверх домашнего платья. В руках у неё был пакет с пирожками, хотя до дома мы ехали всего десять минут.

Я тогда не знал, что через год её отца не станет.

Я перечитал Анино сообщение. Потом своё: «А куда мы тогда собирались?»

«Я пришлю на неделе», — написал я.

Аня поставила маленькую галочку в ответ.

В субботу я пошёл искать конверт.

Нужного размера не оказалось ни в магазине у дома, ни в канцелярском возле метро. В третьем месте продавщица вынесла из подсобки большую картонную папку на завязках.

— Такая подойдёт?

— Слишком большая.

— Зато не помнётся.

Я купил папку.

Дома положил рисунок между двумя листами картона. Потом достал. Хотел сфотографировать его получше, без тени от телефона.

Перенёс к окну, встал на стул.

Сверху рисунок оказался почти таким же, как наша кухня теперь. Только на месте Аниного стула стоял пакет с пакетами, а хлебница исчезла: я выбросил её вместе со старым чайником, потому что крышка заедала.

Я спустился со стула, так ничего и не сняв.

Перед тем как заклеить упаковку, написал на отдельном листке: «Прости, что не отправил сразу».

Подумал и не стал ничего добавлять.

Вечером сел писать ей нормально. Не про папку — просто написать.

«Аня, я тут подумал» — стер.

«Мне кажется, я» — стер.

«Я не знаю, как это сказать, но» — стер.

Дальше я всё-таки написал. Длинно, путано, с двумя запятыми не на месте: что я, кажется, всё это время смотрел не туда. Что она рисовала меня, а я даже не знал. Что я помню, как она закрывала кухонную дверь, чтобы не будить меня чайником, и что я никогда не спрашивал, зачем.

Перечитал. Увидел, что получилось письмо. Не ей — мне.

И стер всё целиком, до пустого поля.

Потом написал: «Спасибо, что забрала».

Утром обнаружил, что и это не отправил.

В понедельник за обедом Дима показал мне девушку в телефоне.

— Мы уже третью неделю переписываемся.

Я посмотрел. Девушка стояла на лестнице в красном пальто. Красивое лицо, тёмные волосы, рука на перилах.

— Симпатичная, — сказал я.

— Да я не про это. Она меня на какой-то поход зовёт. В ноябре.

Он забрал телефон и стал читать вслух, с выражением человека, которому предлагают добровольно заболеть.

— «Маршрут несложный, километров восемнадцать». Восемнадцать, понимаешь?

Я засмеялся.

— А ты ей сказал, что у тебя из обуви?

— Сказал. Она обещала найти ботинки.

Принесли суп. Дима продолжал рассказывать: она работа-

ла в лаборатории, не любила голосовые сообщения и однажды три часа везла в электричке чужую собаку, потому что хозяина забрали в больницу.

— А как её зовут? — спросил я.

Дима поднял глаза.

— Лена. Я же говорил.

— Не запомнил.

Он покрошил хлеб в суп.

— Ты вообще сегодня где-то не здесь.

Я хотел сказать, что всё нормально. Вместо этого подвинул телефон экраном вниз.

— Покажи ещё раз.

— Что?

— Лену.

Он протянул телефон. На этот раз я заметил, что на лестнице рядом с ней стоял рюкзак, почти до пояса.

— С таким она восемнадцать километров собирается идти?

— Вот именно, — сказал Дима с облегчением. — И ведь мне предложит что-нибудь понести.

Я вернул телефон.

— Иди.

— Куда?

— В поход. Она тебе собаку в электричке три часа везла. Дима посмотрел на меня так, будто я сказал что-то не то.

— Ты чего?

— Ничего.

Я взял ложку и вдруг понял, что не помню, что заказал. Аня получила второй конверт через неделю.

«Спасибо. Записку тоже нашла».

Я ждал продолжения, хотя понимал, что его может не быть.

Вечером она прислала ещё одно сообщение.

«Мама тогда велела не торопиться. У неё тесто не поднялось».

Я вспомнил пакет на станции. Тёплый, с жирными пятнами возле дна. Анину маму, которая, обняв дочь, сразу посмотрела на меня:

«Худой какой. Вы там вообще едите?»

Я написал:

«Пирожки были с капустой».

«С картошкой. Капусту ты не любил».

Я сидел с телефоном в руке, пока экран не погас.

Потом включил его снова.

«Да. С картошкой».

И, не успев подумать, добавил:

«Я тогда из-за Петербурга сказал тебе, что ты всё придумала. Что тебе просто скучно. Помнишь?»

Отправил.

Через минуту понял, что написал «скучно», а не «страшно». Что это было хуже, чем он помнил. Что он сказал это на кухне, при её маме, за столом, где стояли те самые пирожки.

Аня ответила через полчаса.

«Помню».

И всё.

Я положил телефон на стол, встал, дошёл до окна и обратно. Новый чайник стоял на месте. Кружка с трещиной — на подоконнике, вверх дном, как её поставили сушиться.

Я взял её и выбросил в мусорное ведро.

Потом достал и поставил обратно.

На кухне закипела вода. Я достал одну чашку.

Чашка оказалась той самой, с трещиной на ручке.

Я налил немного воды и подождал. На столе медленно проступило тёмное полукольцо.

С лета.

Я вылил воду, сполоснул чашку и поставил возле мусорного ведра. Потом переставил на подоконник. Не потому, что было жалко. Просто не хотелось слышать, как она ударится о дно.

В субботу позвонила Анина мама.

Я смотрел на её имя дольше, чем следовало.

— Алло.

— Привет. Не отвлекаю?

— Нет.

На заднем плане работал телевизор. Кто-то смеялся, потом смех резко оборвался.

— Я тут разбираю шкаф, — сказала она. — У меня твоя куртка осталась. Зелёная.

— Это не моя.

— Как не твоя? Большая такая. С капюшоном.

— Наверное, Анина.

— Аня говорит, твоя.

Я попытался вспомнить куртку. Зелёную, большую, с капюшоном. Ничего не возникало.

— Может, моя. Я заеду.

— Только завтра лучше. Сегодня меня дома не будет.

Раньше она обязательно сказала бы куда. К врачу, к соседке, за картошкой на рынок, потому что там появился хороший продавец. Теперь ждала ответа.

— Завтра могу в двенадцать.

— Хорошо.

Мы помолчали.

— Вам хлеба привезти? — спросил я.

— Зачем?

— Ну, я всё равно поеду.

— Хлеб у меня есть.

После разговора я открыл переписку с Аней.

Написал: «Твоя мама звонила».

Прочитал и удалил.

Куртку я узнал сразу.

В ней мы красили кухню у её родителей. Тогда же она получила письмо из Петербурга. Её отец ещё был жив и каждые двадцать минут заходил проверить, не нужна ли помощь. Самому ему врачи запретили поднимать руки выше плеч, по-

этому он стоял в дверях и советовал.

Я тогда раздражался. Валик оставлял полосы, краска капала на запястье, Аня включила какую-то музыку с телефона, и всё время приходилось переспрашивать.

Куртка висела на балконе, на гвозде.

— Я думала, ты её забрал, — сказала Анина мама. — Потом пакеты сняла, а она под ними.

На рукаве сохранилось белое пятно.

— Спасибо.

Она не отпускала плечики.

— Чаю будешь?

Я посмотрел на ботинки. С одного на коврик стекла грязная вода.

— Буду.

На кухне почти ничего не изменилось. Только табуретка, на которой обычно сидел Анин отец, теперь стояла возле холодильника, а на ней — коробка с лекарствами и квитанциями.

— Садись, — сказала она.

Я сел на своё прежнее место и сразу пожалел. Не потому, что оно больше не было моим. Просто оказалось, что тело помнит такие вещи без всякого разрешения.

Она положила на стол печенье, поставила сахарницу.

— Тебе сколько?

— Без сахара.

— Правильно. Надо и мне отвыкать.

Она насыпала себе две ложки.

Мы говорили о лифте, который снова не работал. О новой аптеке на углу. О том, что во дворе спилили тополь, и теперь летом будет видно окна соседнего дома.

Я всё ждал вопроса об Ане.

Вместо этого она спросила:

— Ты работаешь там же?

— Да.

— А то Аня говорила, у вас сокращения.

— Пока обошлось.

— Ну и хорошо.

Она подвинула ко мне печенье.

Я взял одно.

— Вы на меня сердитесь? — спросил я.

Она посмотрела в чашку.

— Сердилась.

Я положил печенье на блюдце.

— А сейчас?

— Сейчас у меня чай остынет, пока я тебе отвечать буду.

Она отпила и поморщилась.

— Уже остыл.

Я тоже взял чашку. На холодильнике висело объявление: «Курсы компьютерной грамотности. Для пенсионеров. Вторник, четверг».

— Ты ходишь? — спросил я.

— Хожу.

— Как?

— Никак. Сижу и не понимаю. Но хожу.

— Зачем?

— Чтобы не сидеть дома.

За окном мужчина в оранжевой куртке долго пытался поставить лестницу возле фонаря. Отходил, смотрел наверх, снова переставлял.

— Я не знаю, что вам сказать, — произнёс я.

— Не надо ничего.

Она сказала это без раздражения и без утешения. Потом встала, достала из шкафа пакет.

— Заберёшь яблоки? Мне много привезли.

Я хотел отказаться. Мне казалось неприличным уходить отсюда с едой, как раньше, когда в прихожей уже стояла Аня и торопила меня, а её мама добавляла в пакет ещё что-нибудь.

— Заберу, — сказал я.

У двери она вдруг спросила:

— Ты ей писал?

— Да.

— Про что?

Я не сразу нашёл, что ответить.

— Про пирожки.

Она усмехнулась.

— Ну хоть про что-то.

Дома я повесил куртку в ванной.

Пока она намокала в тазу, из кармана выпала сложенная вчетверо бумага. Чек из строительного магазина. Краска, лоток, два валика, малярная лента.

На обороте Аниным почерком было написано:
«Хлеб. Сметана. Позвонить папе насчёт полки».

Я разгладил чек на стиральной машине.

Дата выцвела почти совсем. Я поднёс бумагу к свету, но разобрал только год.

Телефон лежал в комнате. Я сходил за ним, открыл камеру и навёл на записку.

На экране бумага выглядела серой, незначительной. В кадр попадал край таза, носок тапка и моя рука.

Я сделал снимок.

Потом открыл Анину переписку.

Последним по-прежнему стояло моё сообщение: «Да. С картошкой». И ниже — моё же, про Петербург, на которое она ответила «Помню».

Я прикрепил фотографию чека и написал: «Нашёл в куртке».

Прежде чем отправить, ещё раз посмотрел на строчку про полку.

Потом удалил текст, убрал фотографию и положил телефон на стиральную машину.

Чек я оставил сохнуть рядом.

Через полчаса вернулся и перевернул его другой стороной.

Глава третья

Полку я делал три вечера.

Сначала нашёл в кладовке доску — ту самую, которую Анин отец отпилил ещё тогда, когда мы красили кухню. Он тогда сказал: «Потом пригодится». Доска стояла у нас за стиральной машиной три года, и я всё это время считал её мусором.

Теперь я вынес её на балкон и провёл рукой по краю. Пыль, следы краски, заусенец с одного конца.

В интернете нашлось видео: мужчина в фартуке объяснял, как сделать полку за один вечер. Он улыбался и говорил «проще простого». У него было три дрели.

У меня была одна, Анина, с битой кнопкой.

Я прикрутил кронштейны. Доска оказалась на два сантиметра короче, чем нужно. Я перемерил, пересчитал, потом просто приложил её к стене и отметил карандашом.

На третий вечер полка висела.

Я поставил на неё чашку с трещиной. Потом снял. Потом снова поставил.

На следующий день позвонил Ане.

Не написал — позвонил. Я репетировал это с утра: скажу, что нашёл доску, что сделал полку, что папа был прав.

Она ответила после третьего гудка.

— Привет.

— Привет. Я тут... — Я посмотрел на полку. — Помнишь, у нас доска была? Ну, которую папа твой отпилил.

Молчание.

— Помню.

— Я полку сделал.

— Хорошо.

Я ждал, что она спросит, зачем. Она не спросила.

— Ты как? — сказал я.

— Нормально. Работы много.

— Это хорошо.

— Ага.

Я слышал, как на её стороне что-то шуршит. Бумага? Куртка? Я не мог понять и злился на себя за то, что пытаюсь понять.

— Аня.

— Да?

— Я тогда сказал про Петербург. На кухне. При твоей маме.

— Я помню.

— Я не то имел в виду.

— Ты имел в виду именно то, — сказала она спокойно.

— Ты всегда говоришь то, что имеешь в виду. Просто потом думаешь, что надо было иначе.

Я не нашёлся, что ответить.

— Мне надо идти, — сказала она.

— Да, конечно.

— Пока.

— Пока.

Я положил телефон на стол и посмотрел на полку.

Она была кривая. Я это видел. Левый кронштейн вошёл глубже, доска стояла под углом, и чашка с трещиной на ней держалась, но кренилась к краю.

Я снял чашку. Подкрутил кронштейн. Повесил обратно.

Стало ровнее. Не совсем, но ровнее.

Вечером я написал Диме.

«Ты идёшь в поход?»

Он ответил через минуту:

«Иду. А что?»

«Ничего. Молодец».

«Ты странный».

Я не стал отвечать.

Через несколько дней Анина мама позвонила снова.

— Ты полку сделал?

Я не сразу понял, откуда она знает.

— Сделал.

— Аня сказала. — Она помолчала. — Он бы порадовался.

Я знал, о ком она.

— Я не очень хорошо сделал, — сказал я. — Криво.

— Ну и что. Он тоже криво делал. Всё время. Я потом перевешивала.

Она засмеялась коротко и сразу замолчала.

— Ты приезжай, — сказала она. — Я тебе банку с гвоздями

ми отдам. Его. Тебе же теперь надо.

— Мне не надо.

— Надо, — сказала она. — Приезжай.

Я приехал в воскресенье.

Банка стояла в кладовке, на верхней полке, за банками с крупой. Гвозди были разных размеров, часть поржавела. Сверху лежал сложенный лист наждачной бумаги.

— Он всё собирал, — сказала она. — Я думала, выброшу. Потом думаю: а вдруг кому надо.

Я взял банку. Она была тяжёлая.

— Спасибо.

— Вот и хорошо.

Я уже стоял в прихожей, когда она сказала:

— Ты только это, — сказала она. — Полка — это полка.

— Я знаю.

— Вот и хорошо.

Она открыла дверь.

— А то знаю я вас.

— Кого «вас»?

— Мужчин.

Дома я поставил банку на полку. Она была тяжёлая, и доска под ней чуть прогнулась.

Я посмотрел на неё и снял банку.

Поставил на пол.

Полка осталась пустой.

Ночью я открыл переписку с Аней и написал:

«Я сделал полку. Из той доски. Получилось криво, но держится».

Отправил.

Она ответила утром:

«Покажи».

Я сфотографировал полку. Пустую. С банкой на полу в углу кадра.

Отправил.

Она долго не отвечала. Потом:

«Он бы сказал, что левый кронштейн надо было выше».

Я посмотрел на полку.

«Он был прав».

«Всегда».

Я сидел с телефоном и думал, что вот сейчас — момент. Что можно написать что-то ещё. Что-то про нас. Про то, что я не спросил, про то, что она рисовала меня, пока я смотрел в телефон.

Я написал:

«Аня, я не знаю, что мне делать».

Стер.

«Мне тебя не хватает».

Стер.

«Я тебя не понимал».

Стер.

Потом написал:

«Спасибо».

Она не ответила. Но и не ушла из сети ещё минут десять.
Я это видел.

Глава четвёртая

За три года до этого мы чуть не опоздали на поезд.

Не на тот, на котором Аня потом уехала. На другой — из Сочи в Краснодар, где жила её мама и куда мы собирались на два дня.

Аня тогда ещё не подстригла чёлку. Волосы у неё были длинные, и она всё время убирала их за ухо, а они падали обратно.

Мы приехали на вокзал за двадцать минут. Я нёс сумку и ругался, что мы вышли поздно.

— Мы успели, — сказала она.

— Мы могли не успеть.

— Но успели.

— Это не аргумент.

Она посмотрела на меня.

— Ты правда сейчас хочешь об этом спорить?

Я не хотел. Я просто устал. За два дня до этого на работе всё пошло не так: один проект закрыли, другой отложили, и я не знал, что будет через месяц. Я не сказал ей об этом. Я вообще редко говорил ей о работе.

Мы сели в вагон. Аня — у окна. Я — с краю, чтобы можно было открыть ноутбук.

— Ты будешь работать?

— Немного.

Она ничего не сказала. Достала из сумки бутылку воды и приложила к виску.

— Голова?

— Жарко.

Я открыл ноутбук.

Через полчаса она положила голову на стекло и закрыла глаза. Я посмотрел на неё и подумал, что надо бы спросить, как она. Но в почте висело письмо, на которое нужно было ответить, и я ответил.

На станции нас ждала её мама.

Она стояла в короткой куртке поверх домашнего платья, в руках — пакет с пирожками.

— Худой какой, — сказала она, посмотрев на меня. — Вы там вообще едите?

— Едим, — сказал я.

— Аня, он ест?

— Мам.

— Что «мам»?

Мы сели в автобус. До дома было десять минут. Мама всё это время рассказывала про соседа, который опять что-то строит, и про то, что у них во дворе спилили тополь.

Дома она поставила на стол пирожки.

— С капустой, — сказала она. — Ты же любишь?

Я не любил капусту. Но сказал:

— Люблю.

Аня посмотрела на меня и чуть улыбнулась.

Её отец сидел в кресле и смотрел телевизор без звука.

— Здравствуйте, — сказал я.

Он кивнул. Мы никогда не разговаривали долго. Он был из тех людей, которые молчат, и от этого в доме становилось тише, но не тяжелее.

Вечером мы красили кухню.

Отец стоял в дверях и советовал. Аня включила музыку с телефона. Я злился на валик, на краску, на то, что всё сохнет медленно.

— Ты устал, — сказала Аня.

— Нет.

— Ты злишься.

— Я не злюсь.

Она не стала спорить.

Потом, когда краска легла и мы сидели на полу, потому что стулья были вынесены, она сказала:

— Мне пришло письмо. Из Петербурга.

— Какое?

— Меня берут на реставрацию. Восемь месяцев.

Я посмотрел на неё.

— Когда?

— Вчера. Ночью, пока ты спал.

Я не помню, что ответил. Помню, что что-то ответил. Что-то про то, что это далеко. Что-то про то, что мы только начали жить вместе. Что-то про то, что она могла бы сначала обсудить.

— Я узнала вчера, — сказала она.

— И молчала.

— Я ждала момента.

— И?

Она посмотрела на стену, которую мы только что покра-
сили.

— И вот момент.

Я сказал ей, что она всё придумала. Что ей просто скучно.
Что в Петербурге холодно и сыро, и что она там никого не
знает.

Я сказал это при её маме.

Мама вышла из комнаты. Я слышал, как она открыла кран
на кухне, и как вода шумит, и как она не выключает её, чтобы
не слышать нас.

Отец продолжал смотреть телевизор без звука.

Аня встала и вышла.

Я остался сидеть на полу.

Через полчаса я вышел на балкон. Она стояла там, в курт-
ке, с сигаретой. Она не курила, но иногда, когда ей было пло-
хо, выходила с чужой сигаретой и не затягивалась.

— Прости, — сказал я.

Она не ответила.

— Я не то сказал.

— Ты имел в виду именно то, — сказала она тогда. —
Ты всегда говоришь то, что имеешь в виду. Просто потом
думаешь, что надо было иначе.

Я стоял рядом.

— Поезжай, — сказал я.

— Куда?

— В Петербург.

Она посмотрела на меня.

— А ты?

— А что я?

— Ты поедешь со мной?

Я не ответил.

Она докурила и потушила сигарету о перила.

— Пойдём, — сказала она. — Завтра рано.

Мы уехали из Сочи на следующий день.

В поезде она снова сидела у окна. Я не открывал ноутбук.

Я смотрел на неё, но она не оборачивалась.

Через месяц она отказалась от Петербурга.

Я узнал об этом случайно — увидел на столе письмо, которое она не успела спрятать.

Она сказала, что решила, что не готова. Что восемь месяцев — это долго. Что там всё равно ничего не получится.

Я поверил.

Только сейчас, спустя три года, я понял, что она тогда сказала мне правду, а я услышал то, что хотел.

Глава пятая

Дима написал за неделю.

«Всё в силе. Суббота, восемь утра, электричка».

Я посмотрел на сообщение и положил телефон.

Через час взял его снова.

«Я не ходил никогда».

«Тем более».

Я хотел отказаться. У меня была куча причин: работа, полка, банка с гвоздями на полу, которую я до сих пор не убрал. Но я почему-то написал:

«А ботинки?»

«Лена сказала, у неё есть запасные. Сорок третий».

Я посмотрел на свои ноги.

«У меня сорок четвёртый».

«Значит, немного пожмёт. Потерпите».

В пятницу вечером я достал из кладовки старый рюкзак. Он был пустой и пах пылью. Я положил в него бутылку воды, бутерброды, которые сделал сам, и запасные носки.

Потом сел на пол в коридоре и посмотрел на рюкзак.

Я не знал, зачем я это делаю.

В субботу я встал в шесть.

Это было странно — вставать в шесть в субботу, когда не надо на работу. Я сварил кофе в новом чайнике, посмотрел на полку. Пустая. Банка с гвоздями по-прежнему стояла на

полу.

Я взял банку и убрал её в кладовку. Не на полку. В кладовку.

На электричку я пришёл за двадцать минут.

Дима уже стоял на платформе. Рядом с ним — девушка в красном пальто, которое я видел на фотографии. Только теперь на ней была куртка, а пальто, наверное, осталось дома.

— О, ты пришёл, — сказал Дима.

— Ты сказал в восемь.

— Я думал, ты откажешься.

Лена повернулась ко мне.

— Вы тот самый коллега, который всё время молчит?

— Наверное.

— Хорошо. Молчание в походе — лучшие.

Она протянула мне ботинки. Они были разношенные, с царапинами на носках.

— Сорок третий. Если будет жать, скажите.

— Спасибо.

Я переобулся. Ботинки жали, но терпимо.

Мы сели в электричку. Вагон был почти пустой. Дима сразу достал термос, Лена — карту на телефоне, и они начали спорить, где лучше выходить.

Я сел у окна.

За окном пошли поля. Мокрые, серые, с редкими домами. Я смотрел на них и думал, что не помню, когда последний раз ехал куда-то, кроме работы и Аниной мамы.

— Вы давно вместе работаете? — спросила Лена.

— Три года.

— И всё это время молчите?

— Не всё.

Дима засмеялся.

— Он нормальный. Просто у него сейчас период.

Лена посмотрела на меня, но ничего не спросила. Я был ей благодарен.

Шли медленно. Лена оказалась права: маршрут был несложный, но длинный. Дорога шла через лес, потом вдоль реки, потом снова через лес. Было холодно, но не сильно. Я шёл и смотрел под ноги.

Сначала я думал о работе. Потом о полке. Потом о том, что ботинки жмут, но терпимо.

Потом я перестал думать.

Это было странное чувство. Я шёл и просто смотрел: на мох на камнях, на воду, на то, как Дима обходит лужу, а Лена идёт прямо через неё. На то, как она останавливается и ждёт его, хотя могла бы идти дальше.

На привале мы сели на поваленное дерево.

Лена достала бутерброды. Дима — термос.

— Ну как? — спросила она.

— Нормально, — сказал я.

— Это «нормально» значит «плохо» или «нормально»?

— Нормально.

Она засмеялась.

— Ладно.

Дима передал мне термос. Чай был с чабрецом.

— Аня любит чабрец, — сказал я.

Дима и Лена переглянулись.

— Кто такая Аня? — спросила Лена.

Я посмотрел на чашку.

— Жена.

— А.

Она не стала спрашивать дальше.

Мы сидели молча. Где-то далеко стучал дятел.

— Я думал, вы разводитесь, — сказал Дима.

— Мы не разводимся.

— А что?

Я не знал, что ответить.

— Она уехала.

— Куда?

— В Петербург. На работу.

Дима кивнул.

— И ты её ждёшь?

Я хотел сказать «нет». Но это было бы неправдой.

— Не знаю.

Лена допила чай.

— Знаете, что я поняла, когда мы с Димой начали общаться?

— Что?

— Что я не хочу быть человеком, который ждёт. Я хочу

быть человеком, который делает. Даже если делает неправильно.

Я посмотрел на неё.

— Это непросто.

— Конечно, непросто. Поэтому и говорю.

Она встала и начала собирать бутерброды.

Ночевали мы в маленьком домике на краю деревни. Лена заранее договори́лась. Внутри было холодно и пахло дровами.

Дима растопил печь. Лена разложила спальные.

— Ты в комнате, — сказала она мне. — Мы тут, на полу. Не переживайте, мы привыкли.

— Я не переживаю.

— Ну и хорошо.

Я лёг в комнате на узкую кровать и долго не мог уснуть. Стены были тонкие, и я слышал, как они разговаривают. Не словами — шёпотом, но я всё равно разбирал.

— Он нормальный, — сказал Дима.

— Он грустный.

— Он не грустный. Он просто не знает, что делать.

— Это и есть грустный.

Я закрыл глаза.

Ночью я проснулся от холода. Печь почти погасла. Я вышел в общую комнату, чтобы подбросить дров.

Лена не спала. Она сидела у окна, завёрнутая в спальник.

— Не спится? — спросила она.

— Холодно.

— Сейчас.

Она поднялась и открыла дверцу печи. Огонь осветил её лицо.

— Можно вопрос? — сказала она.

— Да.

— Вы её любите?

Я не ответил сразу. Я смотрел на огонь.

— Не знаю, — сказал я. — Я не думал об этом в таких словах.

— А в каких думали?

Я сел на пол возле печи.

— Я думал, что мы вместе. Что так надо. Что если я буду работать, всё будет хорошо. Что она рядом.

— А она была рядом?

Я вспомнил, как она сидела у окна в поезде с бутылкой воды у виска, а я открывал ноутбук. Как она закрывала кухонную дверь, чтобы не будить меня чайником. Как она сказала про Петербург, а я ответил, что ей просто скучно.

— Не знаю, — сказал я. — Наверное, она была рядом. А я — нет.

Лена кивнула.

— Это честно.

— Это плохо.

— Это честно, — повторила она. — Плохо — это когда человек говорит «я всё делал для семьи», а сам не помнит,

какого цвета у жены глаза.

Я посмотрел на неё.

— А вы помните?

— Я помню, какого цвета глаза у Димы. И я знаю, что он не помнит, какого цвета у меня. Но он учится.

Она подбросила дров.

— Идите спать. Завтра ещё идти.

Я вернулся в комнату.

Утром мы пошли обратно. Я устал так, что перестал чувствовать ноги. В электричке я сел у окна и сразу закрыл глаза.

Дима спал, уронив голову на плечо Лене. Она не двигалась, чтобы его не разбудить.

Я смотрел на них и думал, что за всю поездку ни разу не достал телефон. Не проверил, не написал ли кто. Не посмотрел, в сети ли Аня.

Это было почти приятно.

Дома я снял ботинки и поставил их в прихожей. Они были не мои, и я подумал, что надо вернуть.

Потом сел на пол в коридоре и достал телефон.

Аня написала в четверг, пока я был в походе.

«Мне надо приехать. На два дня. Разобрать мастерскую — там закрывают одно помещение. Можно я остановлюсь у тебя? В комнате. На диване».

Я перечитал сообщение три раза.

Потом написал:

«Конечно».

И добавил:

«Когда?»

Она ответила сразу:

«В следующие выходные».

Я посмотрел на полку. Пустая. На кухне — новый чайник.

В кладовке — банка с гвоздями.

Я написал:

«Я сделаю уборку».

Она не ответила. Но я видел, что сообщение прочитано.

Ночью я не мог уснуть.

Я лежал и думал, что через неделю она будет здесь. В этой квартире. На диване в комнате. И что я не знаю, как себя вести.

Я встал, прошёл на кухню и включил чайник.

Пока он грелся, я достал из кладовки банку с гвоздями.

Поставил на полку.

Доска прогнулась, но выдержала.

Я посмотрел на неё и снял банку.

Поставил на стол.

Потом взял телефон и написал Ане:

«Ты не против, если на полке будут гвозди?»

Она ответила через минуту:

«Твоего папы?»

Я посмотрел на банку.

«Твоего».

«Пусть будут».

Я поставил банку на полку.

Доска прогнулась. Но выдержала.

Глава шестая

Она приехала в пятницу вечером.

Я слышал лифт, потом шаги, потом паузу перед дверью.

Она всегда стояла так секунду — будто проверяла, тот ли этаж.

Я открыл раньше, чем она позвонила.

— Привет.

— Привет.

Она была в той же куртке, что и в день отъезда. С сумкой через плечо и с маленьким чемоданом на колёсиках. Чемодан был новый. Я его не видел.

— Проходи.

Она вошла и остановилась в прихожей.

— Куда обувь?

— Там же, где всегда.

Она посмотрела на меня.

— Я не помню.

— Справа.

Она поставила туфли справа.

Я взял её чемодан и отнёс в комнату. Диван был застелен. Я специально купил новое бельё — не потому, что старое было плохим, а потому, что не хотел, чтобы она спала на том, на чём спала раньше.

Она вошла в комнату и посмотрела на диван.

— Спасибо.

— Не за что.

Мы постояли.

— Есть хочешь? — спросил я.

— Не очень.

— Чай?

— Давай.

На кухне я включил новый чайник. Она села за стол, на своё место.

— Новый, — сказала она.

— Да.

— Тот сломался?

— В тот день.

Она кивнула.

Я достал две чашки. Белую с трещиной и вторую, обычную.

— Тебе какую?

Она посмотрела на белую.

— Эту.

Я налил воду. Она взяла чашку и обхватила её ладонями.

— Ты её не выбросил.

— Нет.

— Почему?

— Не знаю. Жалко.

Она отпила.

— Она протекает.

— Я знаю.

Мы пили молча. За стеной сосед двигал мебель.

— Он всё ещё строит корабль? — спросила она.

— Не знаю. Я перестал придумывать.

Она посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Потом встала и пошла в комнату. Я остался на кухне.

Через полчаса она вышла с пустой чашкой. Я не заметил, когда она успела её принести.

— Я пойду спать, — сказала она. — Завтра рано.

— Во сколько?

— В девять. Мастерская на другом конце города.

— Я могу отвезти.

— Не надо.

— Хорошо.

Она ушла в комнату и закрыла дверь.

Я сидел на кухне и смотрел на полку. Банка с гвоздями стояла на месте. Доска прогибалась.

Ночью я не спал.

Я слышал, как она ворочается на диване. Как встаёт, идёт на кухню, наливает воду. Как возвращается.

Я не вышел.

Утром она ушла в восемь сорок.

Я слышал, как она собирается: молния на сумке, ключи, шаги в прихожей. Дверь закрылась тихо.

Я встал и посмотрел в окно. Она вышла из подъезда и пошла к метро. Не обернулась.

Весь день я не знал, чем заняться.

Я убрал квартиру. Дважды. Потом сел и попробовал работать. Прочитал одно письмо три раза. Закрыв ноутбук.

Днём позвонила Анина мама.

— Она у тебя?

— У меня.

— Как она?

— Ушла в мастерскую. Вечером вернётся.

Мама помолчала.

— Ты её не трогай, — сказала она. — Пусть сама.

— Я не трогаю.

— Вот и хорошо.

Она положила трубку.

Вечером Аня вернулась позже, чем я ждал.

— Извини, — сказала она с порога. — Задержалась.

— Ничего.

Она прошла на кухню и села. Вид у неё был уставший. На рукаве — белая полоса, как от глины.

— Как прошло? — спросил я.

— Разобрали половину. Завтра доделаем.

— А потом?

— Потом поезд.

Она посмотрела на чайник.

— Можно я сама?

— Конечно.

Она включила чайник и достала чашку. Ту самую, белую

с трещиной.

— Ты знаешь, что она протекает, — сказал я.

— Знаю.

Она налила воду и поставила чашку на стол. Через минуту под ней расплылось пятно.

— Вот, — сказала она. — Видишь?

— Вижу.

— Ты всегда говорил «выброси».

— Я помню.

Она посмотрела на меня.

— А сам не выбросил.

Я не ответил.

Она взяла чашку и вылила воду.

— Я завтра уеду, — сказала она. — В пять.

— Я отвезу.

— Не надо.

— Я отвезу, — сказал я. — Не потому, что надо. Просто отвезу.

Она долго смотрела на меня.

— Хорошо.

Ночью я снова не спал.

Я лежал и думал, что завтра она уедет. Что это не конец и не начало. Что ничего не решено.

В три часа я встал и вышел на кухню.

Она сидела за столом. В темноте, без света. Перед ней стояла чашка с трещиной.

— Не спится? — спросил я.

— Нет.

Я сел напротив.

— Аня.

— Не надо.

— Я хотел сказать...

— Я знаю, что ты хотел сказать. — Она не повысила голос.

— Ты хочешь сказать, что всё понял. Что ты был неправ. Что теперь будешь иначе.

Я молчал.

— Я не могу это слушать, — сказала она. — Потому что я тебе верю. Каждый раз верю. И каждый раз возвращаюсь к тому же.

— Я не прошу возвращаться.

Она посмотрела на меня.

— Тогда что?

Я не знал, что ответить.

— Я сделал полку, — сказал я наконец. — Криво. Я знаю.

Она чуть улыбнулась.

— Я видела.

— И всё.

— И всё, — сказала она.

Мы сидели в темноте.

— Мне не хватает не тебя, — сказала она вдруг. — Я не так хотела сказать.

— А как?

— Не знаю. Я рядом с тобой перестаю что-то делать. Я жду. Жду, когда ты освободишься. Когда у тебя будет на-строение. Когда ты заметишь. Я так устала ждать, что разу-чилась хотеть.

Я смотрел на неё.

— Я не знал.

— Знаю. Поэтому и не сказала тогда.

Я сидел и смотрел на чашку.

— Ты могла сказать раньше, — сказал я.

Она остановилась.

— Что?

— Ты могла сказать мне раньше. Не через три года. Не когда уже уехала.

— Я говорила.

— Ты не говорила.

— Я говорила. Ты не слышал.

Мы смотрели друг на друга.

— Это не одно и то же, — сказал я.

— Нет, — согласилась она. — Не одно.

Она стояла в дверях.

— Я устала быть той, кто говорит, — сказала она. — Я хотела, чтобы ты сам.

— Я не умею сам.

— Теперь умеешь.

Она ушла в комнату.

Я остался сидеть на кухне.

Утром она собралась быстро.

Я вынес чемодан. Она надела куртку, проверила сумку.

— Всё, — сказала она.

В машине мы молчали.

Я вёл медленно. Улицы были пустые. На вокзале она вышла первой.

— Не надо провожать, — сказала она.

— Я провожу.

Она не стала спорить.

Мы дошли до перрона. Поезд уже стоял.

— Ну, — сказала она.

Я посмотрел на неё.

— Аня.

— Не надо, — сказала она. — Правда.

Я кивнул.

Она взяла чемодан.

— Спасибо, что пустил.

— Живи пока.

Она пошла к вагону. Проводница проверила билет. Аня поднялась по ступенькам и обернулась.

Я стоял.

Она помахала — коротко, как тогда, из машины.

Я поднял руку.

Поезд тронулся.

Я стоял, пока он не ушёл.

Дома я снял куртку и повесил её на крючок. Потом пере-

весил.

На кухне стояла чашка с трещиной. Я взял её, посмотрел на дно — наклейка с ценой почти стёрлась.

И вдруг подумал: какого чёрта.

Какого чёрта она не сказала мне раньше. Какого чёрта я не спросил. Какого чёрта мы пять лет пили чай и молчали.

Я поставил чашку слишком резко. Она звякнула о полку.

Я стоял и слушал, как звенит тишина.

Потом вылил воду, сполоснул чашку и поставил её на место.

Рядом с банкой с гвоздями.

Полка прогнулась.

Я посмотрел на неё и не стал ничего поправлять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.